

направления исследований и своевременно избегать их. Более того, принципы культурной антропологии позволяют по-новому оценить возможности поиска научной истины в условиях априорной неполноты и парциальности каждой данной научной сферы.

Как можно убедиться, современная культурная антропология обладает высоким гносеологическим потенциалом и является эффективным методологическим основанием развития научного знания. Наука, изучающая собственно человеческий способ бытия, постепенно занимает свое место фундамента исследований компонентов этого бытия – общества, науки, религии, государства.

N. N. POLOSIN. EPISTEMOLOGICAL POTENTIAL OF MODERN CULTURAL ANTHROPOLOGY

The article is devoted to the characteristic of the epistemological potential of cultural anthropology in modern conditions of development of social-humanitarian knowledge. This article describes the basic epistemological principles of cultural anthropology, its significance in the development of socio-humanitarian knowledge.

Key words: cultural anthropology, cognitive theory, methodology, philosophy.

Литература

1. *Источникова А. В.* Философская антропология. Мурманск, 2012. С. 6.
2. *Токарев Р. А.* Социально-гуманитарное знание. Проблемы поиска познавательных технологий. М., 2010.
3. Там же.
4. *Кизима В. В.* Постнеклассические практики: рефлексивность и управление // Вопросы философии. 2010. № 3. С. 54–66.
5. Политическая антропология традиционных и современных обществ. Владивосток, 2012
6. Программа либерально-демократической партии России. URL: http://ldpr.ru/party/Program_LDPR/Questions_attention/

В. И. ЛЯХ, О. В. ГАЛУТ

МИФ КАК ФОРМА ТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРЫ

В статье анализируется миф как форма трансляции культуры, раскрываются особенности его возникновения и бытования на территории Северного Причерноморья.

Ключевые слова: мифология, трансляции культуры, социокультурное пространство региона.

Как обобщенное представление о действительности, сочетающее нравственные и эстетические установки и соединяющее реальность с мистикой, миф является исследовательским полем для многих отечественных и зарубежных ученых: К. Леви-Строса, Р. Барта, Б. Успенского, В. Иванова, Р. Зобова, В. Келасьева и др. Это исторически первая форма культуры, которая компенсирует недостаточность практического овладения природой через смысловое породнение с ней и выступает основным «текстом» первобытной культуры, первой формой литературного творчества, которое выражается через знаки и символы, образующие структуру обрядов, традиций, а также пение, танец, рисунок, татуировки, украшения, оружие, предметы домашнего обихода и многое другое. Такое многообразие форм выражения позволяет использовать структуральный анализ для выявления смысла во внутренних базисных отношениях между всеми составляющими мифа, а не только его отдельных элементов.

Миф создает атмосферу, в которой зарождается искусство во всех его видах, а также философия и религиозное мировоззрение. Можно сказать, что он регулирует и упорядочивает человеческие отношения, программируя с помощью символов, табу, обрядов и ритуалов подсознание человека.

Находясь в исследовательском поле многих наук, в том числе теории и истории культуры, миф служит основой для разработки теоретических и методологических подходов, которые используются при его изучении. Диапазон интерпретаций и исследовательских подходов к мифу в теории и истории культуры очень широк. Его можно отождествлять с действительностью и жизнью символов, аллегорией, поэзией, архетипом, структурой и т. д.

Особый интерес для нас представляет мифология древних греков – уникальное явление греческой цивилизации. Развитие эллинской культуры с самого начала шло по совершенно иному, чем в странах Древнего Востока, пути. Античная мифология была всемогущим духовным пастырем своего народа, она не сковала его творческую свободу догмами, правилами и запретами. В значительной мере это объяснялось отсутствием единого, систематически изложенного и обязательного для всех верования: помимо произведений Гомера и Гесиода, впервые описавших богов и определивших их функции, существовало множество мифов и эпических сказаний, дополнявших представления о богах.

В жизни греков достаточно важную роль играли религиозные обряды: к ним обращались во

время войны и во время мира, в критических ситуациях и при совершении особенных поступков, например, вступая в брак или переселяясь в чужие края. Богов чтили жертвами и богатыми дарами – посвящениями, которые потом столетиями хранились в храмах или в священных рощах. В их честь устраивались празднества, торжественные процессии, атлетические состязания и даже театральные представления. Так, на периферии античного мира, в Горгиипии усилились культы дионисийского круга, предшествовавшие христианству. На ее территории существовал храм, посвященный богу морей и судоходства Посейдону (культ этого божества был в Горгиипии официальным). Ко времени правления боспорского царя Тиберия Юлия Савромата II (конец II в. н. э.), относятся шесть обломков мраморной плиты с надписью, в которой говорится о том, что члены фиаса навклеров, по-видимому, союза горгиипийских судовладельцев, воздвигли статуи Посейдона и восстановили его храм [1]. Кроме того, считалось, что Посейдон стоял во главе генеалогического древа боспорской правящей династии. Во времена Спартокидов такая родословная подчеркивалась династическими эмблемами в виде трезубца и дельфина, а римское время зафиксировано в надписях [2]. Кроме горгиипийского документа навклеров и пантикапейской посвяtitельной надписи времени Асандра (47–17 г. до н. э.) на Боспоре найдены еще четыре надписи, восхваляющие Посейдона. Все они подчеркивают генеалогическое родство с Посейдоном царей одной династии (Рескупорида II, Савромата I, Рескупорида III), правивших с конца I по начало III в. н. э. [КБН 53, 980, 1048]. Также жителями полиса были очень почитаемы культы Геракла, Афродиты, Гермеса, Деметры, Кибелы, Артемиды Эфесской, Афродиты-Исиды, Тюхе [3]. Во времена римской империи внутригосударственный и внутриполитический характер носил культ императора и культ боспорских царей.

Своих героев греки считали божествами. Им приносили жертвы, воздвигали святилища, прославляли, организовывая великолепные празднества, обычно сопровождавшиеся различными играми и состязаниями. Так, в окрестностях Анапы (Горгиипии) в начале XX века был раскопан склеп с многоцветной фресковой росписью, изображающей небо и кладку стен святилища [4].

В Горгиипии очень тесно переплетались культы Гермеса Агониоса и Геракла. Геракл покровительствовал гимназиям. В Анапском археологическом музее есть фрагмент мраморного герма, на одной стороне которого изображение Геракла в плаще и с палицей. Очевидно, здесь отразился культ хтонического Геракла и культ Гермеса Психоппа, отмеченная в мифах: именно Гермес является проводником Геракла в Аид и дарит сыну Зевса меч [5].

Непреодолимая ценность героических идеалов в значительной степени объясняется мифологическим

сознанием древних греков. Это мифологическое сознание в сочетании со склонностью к рационалистическому свободомыслию было характерной чертой греческого менталитета. Миф был их великим учителем во всех сферах духовной жизни, включая нормы морали, правила поведения, а также все, что относится к расе, культуре и даже политике.

В сказаниях о Геракле соединилось множество мифов, происходящих и из Греции, и из других мест. Хотя Геракл – самый греческий из греческих героев, образ его синкретичен. Кроме тех побед, о которых так много говорили в древности, он совершил еще одну – незаметную. Он победил множество мифологических персонажей негреческого происхождения и вобрал их в свой образ со всеми аксессуарами. Есть сообщение Геродота о том, что первоначальной родиной Геракла называлась Финикия. А десятиметровая бронзовая статуя Геракла с атрибутами героя с палицей и луком была посвящена фасосцами тирскому Гераклу задолго до того, как по преданию в Греции родился Геракл, сын Амфитриона. Культ Геракла не только впитал в себя особенности почитания других богов и героев. С ростом популярности этого героя и расширением античной ойкумены возникает и обратный процесс – местные герои и боги ассоциируются с Гераклом. Иногда под двойным и даже тройным именем упоминаются великие иранские божества Ормазд, Митра, Артагн, слившиеся с Зевсом, Аполлоном-Гелиосом, Гераклом. Античные авторы называли Геракла конником, покровителем коней, конным богом. На синдской монете V в. до н.э. изображен Геракл и протома (нагрудное изображение) коня [7].

Идея постоянного возобновления жизни звучит в теме росписи на стенах так называемого «склепа Геракла», найденного в Анапе (Горгиипии). Семейный портрет изображен в окружении картин с подвигами и трудами Геракла, на фоне древа жизни. В Северном Причерноморье преобладали памятники, связанные с героической природой образа Геракла, что связано с приданием его культу, в частности, в Горгиипии статуса государственного. Причем со временем образ постепенно менялся в сторону усиления героических черт, что связано с развитием общественных отношений на Боспоре.

Таким образом, жители древней Горгиипии, как и всего Северного Причерноморья, несмотря на удаленность от метрополии, сохранили уклад и мировоззрение своих предков. Но очевидно, что менталитет древних греков, поселившихся на берегу Понта Евксинского, приобрел свою специфику. А некоторые черты, несвойственные метрополии, получили широкое распространение.

Греческая мифология содержит множество воспоминаний о первых шагах человека на просторах древнекубанского региона, которые образуют венки мифов, запечатлевший величайшие эпохи человеческой истории от противопоставления человеком себя дикой природе, выделение

обжитого людьми пространства из пространства дикого, воспринимаемое как пространство мифическое. Одновременно со становлением культуры организовывалось социокультурное пространство, состоящее из небольшого мира людей и таинственного мира природы.

Отношение к этому пространству изначально было двойственным, что привело к его расслоению на две сферы – положительную и отрицательную, Ад и Рай. Так, царство мрачного Аида по преданиям находилось на Тамани, где из кратеров многочисленных вулканов постоянно струился дым и стекала лава. А в древнеславянской мифологии упоминается царство мертвых, где царем был Змей Горыныч, а царицей – Марья Моревна, живущая около моря. Предполагается, что славянская Моревна имеет родство с арийской Мораной – богиней смерти, которая жила на берегу Черного моря. А рядом было царство Блаженных, которые жили на елисейских полях (так называли прибрежные острова и плавни). Царем у них был отец Зевса – повелитель времени Крон. Гомер писал, что в этом царстве где ни метелей, ни ливней, ни хладов зимы не бывает [8]. В нем круглый год цветут луга и нивы. А проводники наслаждаются пением райских птиц и ездой на лошадях, гимнастическими играми. Не правда ли эти слова напоминают природу черноморского побережья.

Сам по себе факт связи мифологии исследуемого региона с Древней Грецией имеет историческое значение для формирования его культуры. Не по ошибке же прародитель греков Прометей попал на территорию древнекубанского региона? Не случайно вход в греческий ад оказался в сердце Киммерии на Тамани? Не без причины сын и невестка Прометея отправились из Киммерии в Грецию восстанавливать род человеческий?

Есть основания утверждать: мифологическая связь древнекубанского региона с Грецией имеет свои точки соприкосновения. Так, кроме мифа о Прометее, в киммерийско-скифский период здесь были распространены мифы о скифах, которые имели с регионом тесные связи и оставили здесь свои могильники.

По одному из мифов, сам Зевс сбросил с неба скифам золотые дары – плуг, рало, секиру, чашу; по другому – прародителем скифов был младший сын Геркулеса, а по третьему – сам Геркулес научился стрелять из лука у скифа Тавтара.

Возможно, идея мифа зародилась в примитивной форме. По мере развития народов, она усложнялась, облекаясь в поэтические строфы. Первыми создали сложную и богатую мифологию греки. Почему же они отправили Прометея на Кавказ, а не оставили его у себя на Олимпе? Ведь тогда на Кавказе жил первобытный человек, не имевший религии, а Прометей – греческий бог? У горцев не было письменности, они довольствовались устной поэзией. Прометей был истым дикарем, не имевшим никаких представлений о религии и

успевший только овладеть огнем. Поэтому греки придали мифическому Прометее свою окраску, а горцы – свою. У греков – это сложные формы поэзии, которую создавали первоклассные поэты и писатели. У кавказских народов, за отсутствием письменности, сказания о Прометее сохранились в устной форме и поэтому неоднократно подвергались изменениям и переделыванию.

Продолжая мысль о связи греческой и древнекубанской культуры, можно обратиться к «Одиссее» Гомера, где с поразительной точностью описаны внешний вид и топографические особенности нынешнего Таманского полуострова. Сюда волшебница Цирцея послала Одиссея с наказом найти вход в ад, вызвать оттуда тень прорицателя Терезия Фивского и узнать от него, какая судьба назначена богами Одиссею и грекам, блуждавшим с ним после падения Трои по Черному морю. На Таманском полуострове есть несколько сопков, маленьких вулканчиков, извергающих часто грязи, а временами – дым и твердые лаваобразные породы. Кратеры сопков жители полуострова называли «адом».

Сохранились греческие мифы и сказания кавказских народов о циклопах, одноглазых великанах-людоедах, обитавших в строениях из огромных камней. Они сохранились кое-где на территории исследуемого региона и носят название «богатырские хаты» – грандиозные циклопические гробницы первобытных людей, или дольмены.

Изучение мифологии различных народов приводит к выводу, что, имея различное происхождение, все же можно уловить их взаимосвязь. Это можно объяснить тем, что человечество имеет общие корни, в том числе и мировоззренческие, дошедшие до нас в виде мифов и легенд. И даже смена веков не смогла стереть из памяти народа основные моменты содержания этих сочинений, что подтверждается фактом миграции населения, в частности, на древнекубанском регионе. Люди уходили на восток и на запад, а вместе с ними передавалось и мифотворчество, распространяясь далеко за пределами края.

Миф – это нечто постоянное и неизменное для всех людей во все времена. Общие модели, сюжеты и даже детали, содержащиеся в мифах, встречаются везде и повсюду – так воплощается совокупное наследие воспоминаний наших предков, передававшееся из поколения в поколение. Миф – это нить, соединяющая прошлое, настоящее и будущее, это своего рода уникальный язык, описывающий реалии, лежащие за пределами наших чувств.

Литература

1. Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965. С. 56
2. Гайдукевич В. Боспорское царство. М.; Л., 1948. С. 56
3. Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. М., 1997. С. 242.

4. *Кругликова И.* Анапа. 2500 лет. Краснодар, 1987.
 5. Отчет Императорской археологической комиссии за 1908 г. СПб. 1912. 226.
 6. *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции. М., 1992.

7. *Анохин В. А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
 8. *Гомер.* Одиссея / пер. В. А. Жуковского. М., 2000. С. 48.

V. I. LYAN, O. V. GALUT. MYTH AS A FORM OF CULTURAL TRANSLATION

The article examines the myth as a form of translation of culture, especially its formivaniya disclosed in the Northern Black Sea Coast

Key words: *mythology, social and cultural space.*

Я. П. МИРОНЕНКО

ГРЕЧЕСКАЯ АНТИЧНАЯ ЭСТЕТИКА И ГНОСЕОЛОГИЯ ФОЛЬКЛОРА

Древнегреческая эстетика и гносеология фольклора раскрывает нам мир античного искусства и эстетических установок известных философов: Сократа, Платона, Анаксагора. На анализе этого материала автор показывает, что античное искусство включало в себя широкий круг знаков – мифологических, подсознательных, традиционных, коммуникативных. Все эти знаки автор статьи отмечает и в русском фольклоре.

Ключевые слова: *историческое изучение фольклора, античная культура, славянский фольклор.*

Проблема исторического изучения фольклора остается одной из важнейших для этномузыкологии. В статье была предпринята попытка применить метод ретроспекции, путем инверсии фольклора традиции вглубь времен. Благодаря этому греческое античное искусство было рассмотрено с точки зрения признаков фольклора. В результате был получен вывод о том, что русский фольклор сегодня существует в почти тех же определениях что и античное искусство.

Признаки фольклора были сформулированы как оппозиции по отношению к нему со стороны исследователей, носителей иной, городской культуры. Поскольку она является письменной, авторской, развивающейся во времени, индивидуально выражаемой и для нее свойственно автономное функционирование жанров искусств, постольку в фольклоре, в первую очередь, было обращено внимание на устность, вариативность, коллективность, традиционность, синкретизм.

Не касающийся языка и формы произведений, этот ряд признаков оказался приемлемым как для поэтического, так и для музыкального фольклора всякой этнической традиции, приобретая глобальную адресность. Вследствие того, что признаки фольклора были определены извне по отношению к нему, их перечень априори не может считаться полным.

Было бы плодотворным получить представления о признаках фольклора со стороны его носителей. Для этого необходимо обратиться к такой культуре, которая характеризовалась бы фольклорностью и, в то же время, содержала рефлексии на нее изнутри.

Для решения поставленной задачи выдвигается метод исторической ретроспекции фольклора посредством инверсии его эволюции. Сущность метода состоит в опоре на феномен редукции

фольклора в процессе движения в историческом времени. Если процесс развернуть в обратном направлении, то, уходя вглубь времен, можно быть уверенным в том, что фольклор все более восстанавливает свои позиции: возвращаются к жизни ушедшие жанры, возвращается радикализм фольклорного интонирования там, где он был утрачен, а главное, традиционное сознание в обществе становится все более весомым.

Попытаемся осуществить фольклорную интерпретацию культуры человека, жившего в западноевропейском городе около девяти столетий назад. Возможность такого исследования есть, благодаря достаточно полной картине средневековой культуры, обрисованной А. Я. Гуревичем. Работы, к которым обратился историк, основаны на материале различных письменных источников той отдаленной эпохи. Текстологическое изучение труда Гуревича позволяет обнаружить следующий ряд признаков культуры средневековья.

Синкретизм – «средневековое мирозерцание отличается цельностью, – отсюда его специфическая недифференцированность, невыявленность отдельных его сфер. Отсюда же проистекает уверенность в единстве мироздания», «говоря о средневековье, едва ли можно выделить в качестве достаточно обособленных такие сферы интеллектуальной деятельности, как эстетика, философия, историческое знание и экономическая мысль» и далее: «можно предположить, что средневековые мастера не различали четко мир земной и мир сверхчувственный – оба изображаются с равной степенью отчетливости» [1].

Устность – «то, что широкие слои населения оставались illitterari, накладывало неизгладимый отпечаток на всю культуру. В этой культуре доминировали тексты произносимые, а не читаемые, воспринимаемые на слух, а не зрительно» [2].